

— Тогда на новую одежду для Амэй не хватит. Зачем тебе такой маленький кусок ткани? Когда появится очередной талон, я обязательно сошью тебе, — снова повторила Хуан Сюцзюй.

— Мне нужно сейчас, — сухо ответил Гу Цзиньянь.

— Ты же мужчина, зачем тебе новая одежда? — Гу Дахэ даже перестал курить, удивлённо посмотрев на сына.

— У сестры, хоть она и девушка, тоже нет новой одежды, — раздражённо бросил Гу Цзиньянь.

Лицо Гу Чжимэй слегка помрачнело, но она сдержалась и, улыбнувшись, обратилась к Хуан Сюцзюй:

— Тётя, пусть сошьют сестре, мне всё равно.

— Ажун? — Хуан Сюцзюй повернулась к Гу Чжижун.

Та подняла глаза, посмотрела на Гу Цзиньяня, но ничего не сказала.

Гу Цзиньянь встал и, обращаясь к Хуан Сюцзюй, заявил:

— Даже если сестре не нужна новая одежда, мне она нужна. Или отдайте мне мой талон, я сохраню его. Сестра, тебе пора идти отдыхать.

Последние слова он произнёс, глядя на Гу Чжижун.

Очевидно, Хуан Сюцзюй не восприняла всерьёз то, что сказал Гу Цзиньянь в тот день.

Через несколько дней, увидев, как Гу Чжимэй радостно щеголяет в новой одежде, Гу Цзиньянь с хитрой усмешкой подумал, что пора действовать.

В тот вечер после ужина Гу Цзиньянь остановил Гу Дахэ и Хуан Сюцзюй, собиравшихся выйти во двор подышать свежим воздухом.

— Мама, папа, мне нужно с вами поговорить.

— О чём? — спросил Гу Дахэ.

— В вашей комнате, — настаивал Гу Цзиньянь.

Гу Дахэ и Хуан Сюцзюй, хотя и были удивлены, всё же вернулись в комнату.

Гу Цзиньянь начал первым:

— Мама, папа, я хочу жить отдельно.

Он уже нашёл себе жильё.

В прошлом мире из-за того, что вдовствующая супруга Мин и Гу Ноянь ещё ничего не сделали, а в древности ценились сыновняя почтительность и уважение к старшим, он сначала терпел.

Задача в этом мире — добиться успеха, и притом так, чтобы все знали, что это не заслуга Гу Дахэ и Хуан Сюцзюй. Поэтому он решил сначала жить отдельно.

Гу Цзиньянь считал, что Гу Дахэ и Хуан Сюцзюй уже безнадёжны. После истории с яйцами он

столько говорил, но в итоге они с сестрой снова уступили.

Любовь Гу Дахэ и Хуан Сюцзюй к Гу Чжимэй за более чем десять лет стала их второй натурой. Многие вещи либо случаются один раз, либо повторяются бесконечно, и они привыкли жертвовать интересами своих детей.

Позже они даже осмелились думать, что дали им с сестрой такое же образование, как и Гу Чжимэй, и что это они сами непослушны и неудачливы.

— Что? — Гу Дахэ и Хуан Сюцзюй вскрикнули, сомневаясь, не ослышались ли они.

— Я сказал, что хочу жить отдельно, — повторил Гу Цзиньянь.

— Ты даже не женат, что за ерунду ты затеял? — возмутился Гу Дахэ.

У них только один сын, и даже если он женится, он должен жить с ними и заботиться о них в старости. А сейчас, не женившись, он хочет жить отдельно? Что подумают люди о них как о родителях?

— Это не ерунда. Каждый месяц я буду давать вам зерно на содержание, как принято в деревне, — Гу Цзиньянь не обращал внимания на крики Гу Дахэ.

— Аянь, ты нас бросаешь? — с горечью спросила Хуан Сюцзюй.

Гу Цзиньянь посмотрел на них и сказал:

— Я устал от того, что всегда оказываюсь на втором месте после Гу Чжимэй.

— Что? — Хуан Сюцзюй не поняла.

— В детстве это было ещё куда ни шло, ведь вы сами так решили. Но с пятнадцати лет, работая, я мог бы сам себя содержать, а вы всё отдавали Гу Чжимэй, и я жил впроголодь, — прямо заявил Гу Цзиньянь.

— Из-за яиц и новой одежды? — вспомнила Хуан Сюцзюй.

— Это лишь последняя капля, — ответил Гу Цзиньянь.

— Ты меня винишь? — с горечью спросила Хуан Сюцзюй.

Она тоже хотела дать ему лучшую жизнь, просто обстоятельства не позволяли.

— Я так тебя воспитывал. Это твоя старшая сестра, она с детства осталась без родителей, к тому же слаба здоровьем, бедняжка. Разве не правильно, что мы о ней больше заботимся? — Гу Дахэ не понимал, ведь раньше Аянь ничего не говорил.

Гу Цзиньянь усмехнулся, не стал вспоминать, почему он сам сначала хорошо относился к Гу Чжимэй, ведь прошло так много времени, что он, возможно, уже забыл. Вместо этого он сказал:

— Кто больше заслуживает жалости: Гу Чжимэй, у которой нет родителей, но есть ваша любовь, или мы с сестрой, у которых есть родители, но мы не чувствуем их любви?

— Ты что, против Амэй? Считаешь, что мы не должны были о ней заботиться? — Гу Дахэ был

поражён.

Когда у Аяня появилось такое отношение к Амэй? Он ничего не замечал.

— Я не против того, чтобы вы о ней заботились. Просто не привлекайте меня к этому, — сказал Гу Цзиньянь.

Я против вас, — Гу Цзиньянь не удержался от внутренней реплики.

— Твой дядя, когда был жив, очень хорошо к тебе относился. Нельзя быть неблагодарным, — поучал Гу Дахэ.

— Я переезжаю завтра, — прямо заявил Гу Цзиньянь.

Они не понимали сути, и продолжать разговор было бесполезно.

Гу Дахэ рассердился:

— Тогда уходи с пустыми руками.

— Дахэ? — встревожилась Хуан Сюцзюй.

— Пусть идёт, — сказал Гу Дахэ.

— Это зерно, которое я заработал своим трудом, — настаивал Гу Цзиньянь.

Жизнь была слишком тяжёлой.

В последнее время, работая, он не только страдал физически, но и был на грани отчаяния.

Это зерно в другое время не имело бы значения, но в эти годы оно было спасением.

Подумать только, прошёл почти месяц, а карманы по-прежнему пусты.

— Ты же такой способный, раз можешь жить отдельно, — с сарказмом сказал Гу Дахэ.

Без зерна как он сможет уйти? Он ни за что не согласится. Единственный сын, неженатый, живёт отдельно — как он сможет смотреть людям в глаза?

— Ты отказываешься от меня как от сына? — Гу Цзиньянь вернул слова Хуан Сюцзюй Гу Дахэ.

— Что ты имеешь в виду? — спросил Гу Дахэ.

— То, что сказал, — спокойно ответил Гу Цзиньянь.

— Это ты сам хочешь жить отдельно, как это я от тебя отказываюсь? — Гу Дахэ смотрел на Гу Цзиньяня.

— Я знаю, о чём ты думаешь. Ты просто не дашь мне зерна, чтобы я не смог уйти, — Гу Цзиньянь без страха встретился взглядом с Гу Дахэ.

Свои мысли Гу Дахэ не стал скрывать, ему не было стыдно.

Хуан Сюцзюй, напротив, успокоилась. Она думала, что Дахэ действительно позволит Аяню уйти.

— Хотя сейчас говорят о науке и борьбе с суевериями, но я клянусь, просто чтобы показать свою решимость, — Гу Цзиньянь поднял правую руку. — Я, Гу Ноянь, клянусь, что завтра перееду, даже если умру с голоду.

Последние слова он произнёс с непоколебимой уверенностью.

Теперь Гу Дахэ и Хуан Сюцзюй начали беспокоиться. Раньше они думали, что это просто детский каприз.

— Аянь, мама завтра купит тебе ткань и сошьёт новую одежду, не делай так? Ты меня пугаешь, — уговаривала Хуан Сюцзюй.

— Ты не боишься, что люди будут смеяться из-за такой ерунды? — спросил Гу Дахэ.

— Мне всё равно, — Гу Цзиньянь улыбнулся.

Они до сих пор не поняли сути.

На следующий день под глазами Гу Дахэ и Хуан Сюцзюй были тёмные круги — явно они плохо спали.

После работы, поужинав, Гу Цзиньянь зашёл в комнату и вынес заранее собранный узелок.

Гу Дахэ отвернулся, Хуан Сюцзюй хотела что-то сказать, но рот её открылся, и она промолчала.

— Брат, что происходит? — спросила Гу Чжимэй.

— С сегодняшнего дня я буду жить отдельно, — ответил Гу Цзиньянь.

— А? — Гу Чжимэй повернулась к Гу Дахэ и Хуан Сюцзюй, не понимая, как Гу Цзиньянь может жить отдельно.

В деревне не было неженатых, которые жили бы отдельно, к тому же Гу Цзиньянь был их единственным сыном.

Гу Дахэ и Хуан Сюцзюй молчали.

— Я ухожу, — сказал Гу Цзиньянь, но стоял на месте, глядя на Гу Дахэ.

Гу Дахэ понял намёк — это было требование зерна. Но он опустил голову, всю ночь думая, что не может отдать зерно Аяню. Аянь говорил решительно, но наверняка не выдержит голода. Аянь был его единственным сыном, и в старости они будут зависеть от него. Как он может позволить ему уйти?

Увидев, что Гу Дахэ опустил голову, Гу Цзиньянь понял его отказ. Он больше не стал говорить, развернулся и ушёл.

Увидев, как сын уходит, Хуан Сюцзюй вспомнила о важном и, торопливо подбежав, схватила Гу Цзиньяня за руку:

— Аянь, где ты будешь жить?

Услышав это, Гу Дахэ поднял голову, смотря на Гу Цзиньяня. Да, куда он может пойти?

— Сначала поживу у тётушки У Сюцзюань, — ответил Гу Цзиньянь.

Двоюродная бабушка У Сюцзюань, которой было пятьдесят девять лет, была женщиной с тяжёлой судьбой. Она рано овдовела, в среднем возрасте потеряла сына и теперь жила одна.

Глаза Хуан Сюцзюй заблестели:

— Неудобно же её беспокоить. Даже если ты живёшь отдельно, можно остаться дома.

— Я уже договорился с тётушкой, — Гу Цзиньянь сделал шаг вперёд.

На пороге он увидел Гу Чжизун, которая, убрав посуду, шла внутрь. Их кухня была пристроена с правой стороны дома.

— Брат, что происходит? — Гу Чжизун с удивлением посмотрела на Гу Цзиньяня с узлом в руках.

<http://bllate.org/book/16336/1474808>